

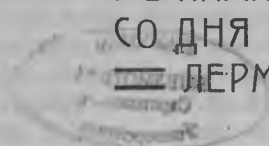
А. Евлаховъ.

НАДОРВАННАЯ ДУША

(къ апологіи Печорина).

ВЪ ПАМЯТЬ 100-ЛѢТІЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ
== ДЕРМОНТОВА. ==

ЦѢНА 50 КОП.

*Дорогому ученику
Александру Павловичу
Скартышину —
на добрую память.*

А. Евлеховъ

Г. ЕЙСКЪ

ТИП. „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО“

Г. Л. ТОХОВА.

1914.

24 окт. 1914.

OP

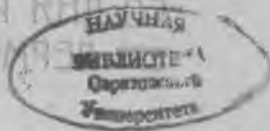

НАРОДНАЯ РАБОТА

(кн. изд. в 1950 г.)

В. П. СКАФТЫМОВА
РАБОТА НАРОДА

4359894

1950 г.

1950 г.

Университетская библиотека им. Н. Г. Чернышевского

Секция библиотечного дела

1950

НАДОРВАННАЯ ДУША

(къ апологіи Печорина).

Среди всѣхъ лермонтовскихъ образовъ наибольшее вниманіе мое всегда привлекалъ печальный образъ «героя нашего времени». Въ немъ есть что-то трогательно-прекрасное. Что бы ни говорили наши историки литературы объ «отрицательныхъ» качествахъ Печорина, какъ бы ни старались навязать Лермонтову предпочтеніе, которое онъ будто бы отдаетъ «положительному» Максиму Максимычу,—исторіи литературы и критикѣ нѣтъ никакого дѣла ни до «положительныхъ», ни до «отрицательныхъ» качествъ: если Печоринъ прекрасенъ, то это — все, о чемъ можно и должно говорить, и, право, какъ то даже странно сопоставлять его, это любимое дѣтище поэта, этотъ гордый и прекрасный образъ, беспощадно преслѣдовавшій его воображеніе то въ томъ, то въ иномъ облаченіи (Сашка, Арсеній, Измаиль-Бей, Мшери, Арбенинъ, Демонъ), образъ, которому онъ отдаетъ весь свой гений, въ который вложилъ всю силу своего молчаливаго дурванія,—какъ-то, даже странно, говорю я, сопоставлять его со случайнымъ, хотя и въправду добрымъ, «смирнымъ» штабсъ-капитаномъ.

Въ чемъ же красота этого вѣчно-юнаго образа? Чѣмъ наѣняетъ и чаруетъ насъ до сихъ поръ этотъ бессмертный печальникъ, въ то время, какъ его ближайшій предокъ Олѣгъ успѣлъ уже потерять интересъ, потускнѣть и «состариться»?

На этотъ вопросъ я и постараюсь отвѣтить.

Впрочемъ, Лермонтовъ самъ далъ намъ разрѣшеніе этой загадки въ романѣ, окруживъ своего героя какимъ-то ореоломъ всеобщаго поклоненія. Люди совѣмъ несходныхъ воззрѣній и различныхъ характеровъ чувствуютъ къ нему какое-то тяготѣніе. Добрякъ Максимъ Максимычъ, хму-

рый Вернеръ, дикарка Бэла, хрупкая княжна Мери, кроткая Вѣра—всѣ они плѣнены всеобразной красотой «героя нашего времени». Есть, правда, люди, которые его не любятъ, даже, можно сказать, ненавидятъ—это Грушницкій съ его компаніей; но развѣ ненависть къ Печорину послѣднихъ не проистекаетъ изъ того же источника, что и любовь первыхъ?—**И любятъ и ненавидятъ его за одно и то же.** Раскрыть причину этой любви и ненависти—значитъ раскрыть обаяніе этой личности для насъ самихъ и постичь тайну безмертія этого образа въ грядущемъ.

I.

Первая характерная черта Печорина, поражающая въ немъ съ перваго взгляда, приковывающая къ нему вниманіе—воль-но или невольно—это то, что онъ **совсѣмъ не похожъ на другихъ людей**. Чернымъ си-дуэтомъ на бѣломъ фонѣ, то тамъ, то здѣсь мелькаетъ его скорбная тѣнь и на-пряженно, съ тревожнымъ чувствомъ слѣ-дить читатель за всѣми перипетіями его внутренней драмы.

Не странно ли: умираетъ мучительной смертью, какъ агнецъ закланная, Бала, ле-титъ въ пропасть съ прострѣленнымъ серд-цемъ незадачливый Грушницкій, чахнетъ отъ нераздѣленной любви бѣдная Мери, грустно влачить свои дни со старымъ не-любимымъ мужемъ несчастная Вѣра—и что же? Всѣ эти жертвы печоринскаго эгоизма не только не вызываютъ протеста въ нашей душѣ противъ единственнаго ихъ виновника, но даже и не интересуютъ насъ сами по себѣ: лишь къ отзвукамъ ду-ши Печорина на всѣ эти событія прислу-шиваемся мы съ болѣзненной чуткостью, и эта мятежная душа заслоняетъ собою все. Конечно, этого не могло бы быть, ес-ли бы эта душа не обладала чѣмъ-то **сво-имъ, незауряднымъ**, имѣющимъ таинствен-ное обаяніе.

Плохъ или хорошъ Печоринъ, «положи-теленъ» или «отрицателенъ», но онъ имѣ-етъ свое собственное «я», свою индивиду-альную личность,—и въ этомъ-то кроется основная причина и нашего исключитель-наго къ нему вниманія, и той атмосферы всеобщей любви, которой окруженъ онъ въ романѣ. «Мы расстаемся навѣки—пишетъ ему Вѣра въ прощальномъ письмѣ; одна-ко, ты можешь быть увѣренъ, что я нико-гда не буду любить другого: моя душа ис-тощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣ-нія на другихъ мужчинъ, не потому, чтобы

Handwritten notes:
...
Очень много

Handwritten notes:
Справедливо
...
Сила личности
...
и восторженности

ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное: въ твоёмъ голосѣ, что бы ты ни говорить, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому, что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ»...¹⁾

Такъ сравниваетъ его Вѣра съ другими, и мы видимъ, что во всемъ она противопоставляетъ его этимъ «другимъ», на которыхъ онъ такъ непохожъ: можетъ быть, онъ и хуже ихъ, но онъ **не такой, какъ всѣ**,—даже самое зло въ немъ привлекательно. И за это именно отличие отъ «всѣхъ»; «другихъ» полюбила его беззаветно Вѣра, полюбила самоотверженно, безъ надежды на взаимность. Ты любишь меня, какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала. Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прощло съ тѣхъ поръ много времени, я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой моей; она потемнѣла, но не угасла» (263).

Самъ Печоринъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: «За что она меня такъ любить, право, не знаю! тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими сла-

¹⁾ Полн. собр. сочин. Лермонтова изд. Академіи наукъ. Спб. 1911 г. томъ IV, ст. 263—264.—Въ дальнѣйшемъ всѣ ссылки съ указаніемъ страницъ будутъ имѣть въ виду этотъ томъ.

бостями, дурными страстями... Неужели это такъ привлекательно?..» (229—230). Въ другой разъ, при первомъ свиданіи съ Вѣрой въ Пятигорскомъ гротѣ, когда онъ началъ мучить ее извѣтельными разспросами о старомъ мужѣ, онъ взглянулъ на нее и, по собственнымъ словамъ, испугался: ее лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы. И вотъ что записалъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Скажи мнѣ,—наконецъ прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не даешь, кромѣ страданій...»—Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою. «Можетъ быть,—подумалъ я,—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...» (219).

Несомнѣнно, существуетъ такое зло, которое привлекательно, и существуютъ такія страданія, за которыя любятъ: это—то зло и тѣ страданія, виновникомъ которыхъ является личность, сильная своей индивидуальностью, налагающая на все печать своего «я». Обаяніе Печорина въ томъ, что онъ, въ противоположность другимъ людямъ, имѣетъ смѣлость быть **самимъ собой**: вотъ почему, теоримое имъ зло—привлекательно, а причиняемая имъ страданія вызываютъ любовь.

Что значитъ быть самимъ собой?—Это значитъ имѣть глубокое, непобѣдимое сознаніе законности, правоты существованія своего «я», какъ чего-то необходимаго во вселенной. Это—почти стихійное, почти, если можно такъ выразиться, бессознательное сознаніе своей связи съ Цѣлымъ, съ Космосомъ, мистическое чувство своей нужности для чего-то, для какихъ-то невѣдомыхъ, но великихъ цѣлей. Вотъ это-то сознаніе и дѣлаетъ сильнымъ Печорина; въ немъ—источникъ той гордости и таинственности, той непобѣдимой власти Печорина, о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Вѣра.

Эгоизмъ Печорина—это какой-то особый, я бы сказалъ, высшій эгоизмъ, который питается не мелкимъ тщеславіемъ или удовлетвореніемъ пустого самолюбія, но именно сознаниемъ своей роковой необходимости во вселенной. Однимъ словомъ, это нечто **органическое**, чего искусственно не создать и доброй волей не уничтожить. — «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее,—записываетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ въ ночь наканунѣ дуэли—и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?...

А вѣрно она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пыль благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже и игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья,—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видѣть предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушныя дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе». (254).

Въ другой разъ Печоринъ признается, что часто спрашиваетъ себя: зачѣмъ онъ такъ упорно добивается любви молодой дѣвочки, которую обольстить не хочетъ и на которой никогда не женится?— «Вѣра меня любить больше, чѣмъ княжна

Ч. В. Печоринъ -
свои мысли о себе
и о людяхъ
Орудіе
рука

= √

Мери будетъ любить когда-нибудь; еслибъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія... Но ничуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая на тѣ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство—истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности—только въ невозможности достигнуть цѣли, т.-е. конца. Изъ чего-же я хлопочу?—Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ все ее не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: «Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь, однако, что я объдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!»

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшей аромать испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогъ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чув тво любви,

Зависти -
в дущу
Красавицы
и т.д.

Истинная -
страсть

Уничто-
жить

Честолюбіе

Жажда

преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиной страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права,—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если бы я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бы всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову чело-вѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше дру-гихъ дѣйствуетъ; отъ этого гений, прико-ванный къ чиновничьему столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно также, какъ чело-вѣкъ съ могучимъ тѣлосложе-ніемъ, при сидячей жизни и скромномъ по-веденіи, умираетъ отъ алялуевскаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлеж-ность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться; многія спокойныя рѣки начинаются шум-ными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самого моря. Но это свой-ствіе часто признакъ великой, хотя скры-той силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаютъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдающая и наслаждаясь, да-етъ во всемъ себѣ отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собст-венной жизнью,—лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія чело-вѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Бо-жіе». (230—232).

Итакъ, мы видимъ, самъ Печоринъ соз-

наетъ въ себѣ эту органическую силу своего внутренняго «я», требующаго полноты внѣшняго проявленія. Онъ сознаетъ, что это и есть единственная причина его ненасытной жажды власти, его непобѣдимаго эгоизма. Сознать въ себѣ свое «я» до конца, понять законность и необходимость его самопроявленія--не значить ли это стремиться расцѣпить его и подчинить ему другихъ? Испытать его силу--не значить ли это идти впередъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, въ сознаниіи своей неопоримой правоты?--Однимъ, тою словомъ, интензивность внутренняго «я» неизбежно ведетъ къ его экстензивности, и потому Печоринъ какъ-то стихійно цѣлится въ достиженія своихъ цѣлей; онъ творитъ свое зло часто безъ злобы, но всегда безъ сожалѣнія, вызывая искреннее изумленіе окружающихъ этой непосредственностью злодѣянія.

Добрый Максимъ Максимычъ былъ по-ложительно смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Печоринъ, совершивъ свое «нехорошее дѣло» (166), похитивъ Балу *Всего* у отца, не чувствуетъ, повидимому, никакого угрызенія совѣсти; точно такъ это и *Простодушно* должно быть!.. И въ какомъ безвыходномъ комическомъ положеніи очутился бѣдный штабсъ-капитанъ, когда вздумалъ «успокоить» своего подчиненнаго, явившись къ нему, для лучшей важности, въ полной парадной формѣ. Вотъ какъ самъ онъ въ своей наивности, рассказываетъ объ этой поистинѣ эпической сценѣ.

«Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему. Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держалъ погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замокъ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ, только онъ притворялся, будто не слышитъ.

«Господинъ пранорщикъ!—сказалъ я, какъ можно строже,—развѣ вы не видите,

Всего
Простодушно
М. М.
Соба
Коп

что я къ вамъ пришелъ?»

«Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку?»—отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

«Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ».

«Все равно. Не хотите ли чаю? Еслибъ вы знали, какая мучить меня забота!»

«Я все знаю»,—отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

«Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать».

«Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать»..

«И, полноте! что жъ за бѣда? Въдъ у насъ все пополамъ».

«Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!».

«Митька, шпагу!..»

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: «Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо».

«Что нехорошо?»

«Да то, что ты увезъ Бѣлу... Ужъ это мнѣ бестія Азамать!.. Ну, признайся»,—сказалъ я ему.

«Да когда она мнѣ нравится?..»

Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что, если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

«Вовсе не надо!»

Да онъ узнаеть, что она здѣсь»..

«А какъ онъ узнаеть?»

Я опять сталъ втупикъ.—«Послушайте, Максимъ Максимычъ!—сказалъ Печоринъ, приподнявшись:—въдъ вы добрый чело-вѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...»

«Да покажите мнѣ ее,—сказалъ я.

«Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало. не

У М. М. —

судья

Тот, кто

Капитан

Его и

говорить и не смотреть: пуглива, как дикая серна. Я нанялъ нашу духанщину; она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучить ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будет принадлежать, кромѣ меня!»—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непременно должно соглашаться. (168—169).

Не правда ли, вся эта «сцена съ перемѣною» Максима Максимыча положительно великолѣпна!.. Старый штабсъ-капитанъ, для котораго въ области нравственныхъ понятій всегда все было такъ ясно: черное—чернымъ, а бѣлое—бѣлымъ, —совсѣмъ бить съ толку. По истинѣ: нашла коса на камень!.. Передъ нами какъ бы гигантская битва двухъ мировоззрѣній: одинъ силенъ своимъ нравственнымъ сознаніемъ, примитивнымъ пониманіемъ добра и зла, которое привито ему съ дѣтства и въ которомъ онъ едва ли разбирается; другой не менѣе силенъ абсолютнымъ отсутствіемъ этого нравственного сознанія, этого дѣленія на черное и бѣлое, на доброе и злое,—которое у него заслонено чисто-стихійнымъ сознаніемъ правоты и необходимости всего того, чего требуетъ его желѣзная воля. И какимъ жалкимъ ребенкомъ оказался старый штабсъ-капитанъ передъ этимъ юнцомъ! Точно провинившійся школьникъ, растерянный стоялъ онъ передъ этимъ «бѣлокурымъ звѣремъ», котораго пришелъ укротить и привести къ жизненному порядку. Роли судьи и подсудимаго перемѣнились во мгновеніе ока, и штабсъ-капитанъ призналъ себя побѣжденнымъ: «Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непременно должно соглашаться...»

И какъ съ нимъ не «соглашаться», когда онъ того «хочетъ»—хочетъ съ требовательной настойчивостью и какою-то стихійною силой... «Одно мнѣ всегда было странно,—говоритъ онъ: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напро-

тивъ, я всегда приобруталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, во все объ этомъ не стараясь. Отчего это?— Оттого ли, что я некогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это— магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ? Надо признаться, что я точно не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!.. Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами,—и то, можетъ быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе»... (219—220).

Вы видите,—онъ **долженъ** все покорить своей волѣ; кто не покорился,—тотъ ему врагъ: иныхъ отношеній онъ не знаетъ. И не потому ли ему покоряются, что видятъ въ немъ не просто человѣка, но стихію, могучую силу природы?.. Можно ли противиться природѣ?!.. Все равно онъ пойдетъ до конца и не остановится ни передъ чѣмъ. И окружающіе это чувствуютъ. Когда уже ничто не могло подѣйствовать на лѣбную Бѣлу, когда Печоринъ исчерпалъ всѣ обычные средства, чтобы покорить ее, и, казалось, былъ близокъ къ проигрышу пари Максиму Максимычу, которому далъ честное слово, что черезъ недѣлю Бѣла будетъ его.—тогда, рассказываетъ штабсъ-капитанъ, онъ рѣшился на послѣднее средство.

«Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадей, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней.—«Бѣла!—сказалъ онъ,—ты знаешь, какъ я люблю тебя. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай! Оставайся полною хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу,—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай! Я ѣду.. куда?—почему я знаю! А вошь недолго бу-

Мнѣ
не все
и мнѣ
остановился
вспомнилъ
1899-07

ду поняться за пулей или ударомъ шашки: тогда всплани обо мнѣ и шкести меня». — Онъ отвернулся и подаль ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико!

Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ рожать—и, сказать ли вамъ?—я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Такого ужъ былъ человекъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не те чтобъ заплакалъ, а такъ... глупость!...» Штабсъ-капитанъ замолчалъ. «Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя уны:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила» (170—171).

Органическая связь Печорина съ Цѣлымъ, его таинственное родство съ природой—вотъ въ чемъ его сила. И именно потому, что онъ такъ близокъ къ Безконечному и Непонятному, его душа въ родствѣ съ таинственными силами природы. Онъ напередъ уже знаетъ все, что съ нимъ случится, ибо душа его, непосредственно общаясь со стихіей, которой составляетъ часть, проникаетъ по ту сторону вещественной дѣйствительности. У нея тысячи духовныхъ глазъ и этими глазами она проникаетъ черезъ завѣсу Незвѣстнаго.

Онъ не любитъ Грушницкаго и заранее чувствуетъ, что когда-нибудь столкнется съ нимъ на узкой дорогѣ—и что одному изъ нихъ не сдобровать (206). Онъ почти увѣренъ, что Грушницкому не долго торжествовать, ибо у него есть «предчувствіе»: знакомясь съ женщиной, онъ всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она любить его или нѣтъ (229). Когда докторъ Вернеръ сообщилъ ему, что у Лиховскихъ,

среди другихъ гостей, впервые встрѣтилъ какую-то даму изъ новопрїѣзжихъ, родственницу княгини по мужу, очень хорошенькую блондинку средняго роста съ правильными чертами, съ чахоточнымъ цвѣтомъ лица и черной родинкой на правой щекѣ, лицо которой поразило его своей выразительностью,—Печоринъ сразу понялъ, что это Вѣра. «Зачѣмъ она здѣсь? И она ли?—размышлялъ онъ. И почему я думаю, что это она? и почему я даже такъ въ этомъ **увѣренъ**? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ?..» (218)... И, тѣмъ не менѣе, онъ увѣренъ. Почему—онъ объясняетъ самъ. «Мои **предчувствїя** меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мїрѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее прїобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: **ничего не забываю—ничего!**» (214). Сидя въ крѣпости, послѣ несчастной дуэли съ Грушницкимъ, онъ самъ удивленъ тѣмъ, какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ его памяти. «**Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!**» (255).

И, въ самомъ дѣлѣ, эта изумительная цѣлостность духа, эта органическая связь со своимъ прошедшимъ и будущимъ, встрѣчающаяся только у людей выдающихся, сильныхъ сознаниемъ своей личности,—замѣчательная черта психологіи Печорина. Онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, кто имѣютъ **исторїю души**, какъ нѣчто особенное и органически съ нею слитое. Вотъ почему онъ не только сохраняетъ неразрывную связь со своимъ прошедшимъ, которое для него никогда не перестаетъ существовать, но имѣетъ какую-то странную власть надъ своимъ будущимъ. Отказаться отъ своего прошлаго—значить отказаться отъ самого себя, но «прїять» это прошлое, какъ оно есть, значить утвердить свою личность, давъ ей санкцію настоящаго, а это значить сознать себя до са-

мой глубины и постичь тайные пути, которыми ведетъ насъ Провидѣніе.

Это провидѣніе въ будущее дѣлаеть Печорина почти фаталистомъ. Онъ вѣритъ въ то, что предназначенъ играть роль какого-то «топора въ рукахъ судьбы» (254), и эта судьба не разъ представляется ему какимъ-то живымъ существомъ, которое властно распоряжается его жизнью, избравъ его орудіемъ своихъ цѣлей.

Послѣ исторіи въ Тамани, сидя надъ обрывомъ берега, наблюдая, какъ при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ, уносившій Янко съ удиной, и прислушиваясь къ рыданіямъ оставленнаго слѣпного мальчика, онъ съ грустью думалъ: «И зачѣмъ было **судьбѣ** кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!» (203). А нарушивъ мирное развитіе романа Грушницкаго съ княжной Мери, ворвавшись непрошено, но властно, въ ея смущенную душу, онъ опять-таки съ грустью размышляетъ объ этомъ, какъ о чемъ-то неотвратимомъ, неизбѣжномъ. «Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, **судьба** какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прийти въ отчаяніе! Я былъ необходимослицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это **судьба**?» (237). Замѣтьте: точно **не онъ** все это дѣлаеть, а **за него** вершить свою волю **судьба**: онъ лишь орудіе въ ея рукахъ и, исполняя эту волю неумолимаго рока, ему остается только наблюдать со стороны и грустить...

Все поведеніе Печорина передъ дуэлью съ Грушницкимъ и во время самой дуэли съ очевидностью обнаруживаетъ въ немъ эту глубокою вѣру въ судьбу, въ то, что

Развитіе
Самъ себе—
Орудіе
рока
Удальство

она сама знаетъ, что нужно. Съ почти мистическимъ проникновеніемъ въ исходъ поединка онъ безбоязненно смотритъ въ будущее и не страшится смерти. «Два часа ночи... не спится, — пишетъ онъ. А надо бы заснуть, чтобы завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать въ вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій!.. и тогда... тогда... что если его счастье перетянетъ? если моя звезда, наконецъ, мнѣ измѣнитъ?.. И немудрено: она такъ долге служила вѣрно моимъ прхатямъ...» (254).

Зарадѣе зная, что противники его морочатъ, что они рѣшили зло посмѣяться надъ нимъ, оставивъ его пистолеть пустымъ, онъ ни мало не заботится о томъ, чтобы предотвратить бѣду: напротивъ, онъ будто нарочно играетъ съ огнемъ, на разстояніи шести шаговъ подставляя себя почти на вѣрную смерть. На всѣ уговоры доктора Вернера, испуганнаго этимъ страннымъ поведеніемъ, онъ неизмѣнно проситъ ему не мѣшать: «Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ». (260). Самъ себѣ онъ объясняетъ все это такъ: «Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія, и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?» (259).

И едва ли Печоринъ серьезно вѣрилъ въ то, что будетъ убитъ. Послѣ неудачной попытки доктора примирить противниковъ, когда Грушницкій безповоротно рѣшилъ стрѣляться, между ними произошелъ та-

кой любопытный обменъ репликъ:

«Пожалуй,—сказалъ Печоринъ; только подумайте, что одинъ изъ насъ непременно будетъ убитъ».

«Я желаю, чтобы это были вы»..

«А, я такъ увѣренъ въ противоположъ».. (257).

— Грушницкій лишь **желаетъ**, чтобы этимъ однимъ былъ его врагъ, а Печоринъ **увѣренъ** въ противоположъ!.. И впоследствии, перебирая въ памяти все происшедшее, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости №. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно: ефтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!.. Стапу продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событиями. Перечитываю послѣднюю страницу: «мѣшно!—Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить». (255).

Замѣчательныя слова! И, мнѣ кажется, не простая случайность, что «Герой нашего времени» оканчивается «Фаталистомъ». Печоринъ и тутъ остался самимъ собой, и предчувствіе не обмануло его. Когда Вуличъ предложилъ испробовать на себѣ, можетъ ли человекъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута, одному лишь Печорину пришла странная мысль предложить въ шутку пари на двадцать червонцевъ: «Утверждаю, что ибѣть предопредѣленія»,—сказалъ онъ (270). И, однако, посмотрѣвъ пристально въ глаза Вуличу, который спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ его испытующій взглядъ, онъ, не смотря на хладнокровіе серба, ясно прочелъ печать смерти на его блѣдномъ лицѣ. «Я замѣчалъ,—поясняетъ онъ,—и многіе старые войны подтверждали мое замѣчаніе, что часто на лицѣ человека, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный

Ита же же —
серио
Фаталист

отпечатокъ неизбѣжной **судьбы**, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.—
«Вы нынче умрете!»—сказаль я ему».
(271). Когда же Вуличъ выстрѣлиль себѣ въ лобъ и пистолеть даль осѣчку—между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:
«Вы сча тливы въ игрѣ!»—сказаль онъ Вуличу.

«Въ первый разъ отъ роду,—отвѣчалъ тотъ, самоодовольно улыбаясь,—это лучше банка и што са».

«Зато немножко опаснѣе».

«А что? вы начали вѣрить предпрѣленію?»

«Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непременно должны нынче умереть..»

«Этотъ же человекъ,—разсказываетъ онъ далѣе,—который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.—«Однако жъ, довольно!»—сказаль онъ, вставая,—шари наше кончилось, и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны»...—Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ —и не даромъ. Скоро все разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держаль пари противъ человека, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...» (272).

Извѣстно, что было дальше: въ ту же почъ Вуличъ былъ убитъ пьянымъ казакомъ, случайно повстрѣчавшимъ его въ темной улицѣ. Быть можетъ, онъ прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бѣ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказаль:—«Кого ты, братецъ, ищешь?»—«Тебя!»—отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой и разрубивъ его отъ плеча почти до сердца. Вспоминая послѣднія слова убитаго: «Онъ правъ!..»—Печоринъ замѣчаетъ: «И одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказаль неволью бѣдному его **судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня:** я точно прочель на его

измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины». (274).

Но этого мало: самъ Печоринъ, подобно Вуличу, вздумалъ испытать свою судьбу и, когда никто не рѣшался броситься первымъ въ хату, гдѣ заперся убійца-казакъ, и схватить преступника, онъ вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Преступникъ былъ обезоруженъ и связанъ, и, свершивъ это опасное дѣло, Печоринъ пишетъ: «Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣждены ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?.. И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ или промахъ разсудка!.. Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь». (276).

Замѣчательно также, что, отправляясь на дуэль съ Грушницкимъ, этотъ странный человекъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ свое родство съ природой. «Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго!—вспоминаетъ онъ. Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню—въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль!» (256).

Печорова

Такое глубокое, почти мистическое проникновение въ природу неудивительно у того, кто въ душѣ своей не потерялъ чувство неразрывной связи съ Цѣлымъ во времени и пространствѣ, кому доступны тайны Безконечнаго и понятна книга Судьбы. Не разъ его пристальный взглядъ всматривался въ самую глубь величественнаго царства природы и не одно восторженное описаніе ея дивной красоты вылилось изъ-подъ его пера. Всѣмъ памятливы эти классическія строки, которыми начинается «Княжна Мери»: «Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бѣшту синѣетъ, какъ «последняя туча разсѣянной бури»: на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона: на востокъ смотрѣль веселые: внизу передо мною нестрѣбеть чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краѣ горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ.. Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?..» (204).

Все для него—ничто передъ лицомъ природы. «Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пу-

стыннаго вѣтра,—говорить онъ; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горестъ ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется, на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ». (220).

Лермонтовъ самъ раскрылъ намъ тайну этого глубокаго чувства природы, свойственнаго столь немногимъ. «Удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять». (172). Такимъ ребенкомъ и является передъ нами Печоринъ всякій разъ, какъ соприкоснется съ природой. Его дѣтская душа, полная тинственныхъ соприкосновений съ Космическимъ, въ такія минуты какъ бы обрѣтаетъ самое себя, вновь становясь такою, «какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять».

Постичь себя, какъ стихію, обрѣсти въ себѣ начала Вѣчной Мудрости, сознать свое «я», какъ нѣчто цѣлостное и себѣ довлѣющее, переступить побѣдной ногой грани времени и пространства, превративъ прошлое въ настоящее и въ настоящемъ уловивъ знаменія грядущаго,—не значить ли это возсоединиться съ Космосомъ въ стихійномъ порывѣ, переливъ свою малую душу въ великую душу Природы?!..

Теперь мы уже раскрыли главное свойство нравственнаго характера Печорина. Оно заключается въ томъ, что Печоринъ есть личность, что у него есть свое «я», что онъ всегда хочетъ быть **самимъ собой**. Утвержденіе своей личности въ мірѣ—

таковъ нравственный долгъ человѣка. вотъ что понялъ Печоринъ, и чего не понимаетъ, напримѣръ, Грушницкій. Хорошо сказалъ Иннокентій Анненскій¹⁾, что въ Грушницкомъ незачѣмъ въ сущности искать сатиру, тѣмъ менѣе пародію на героя: это просто мысль и даже скорбная мысль о человѣкѣ, который **боится быть собою** и, думая, не хочетъ додумываться до конца. Печоринъ говоритъ о немъ, что онъ «изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовые пышные фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ» (205): «въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи» (206). Печоринъ и Грушницкій—это **личность и личина**, это—**индивидуальность и плоскость**, это—**свободная мысль и пошлость мысли**.

Быть самимъ собой дано не каждому и не каждому жѣ дано понять, что отказъ отъ своего «я» есть не только ложь передъ самимъ собой, но еще и великое преступленіе противъ мірового Цѣлаго, въ которомъ мы—необходимая часть. Это дано Печорину.

¹⁾ И. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909, стр. 28.

Описан
Мери
открытка, т.е. покупка

Копия
самостоятельно
977 43

«Никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ» — говоритъ въ письмѣ своемъ Вѣра къ Печоринѣ. Да, именно не любить, но **хотѣть быть любимымъ**. «Я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, — признается онъ самъ, — когда ищутъ только счастья, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь теперь и только **хочу быть любимымъ**, и то очень немногими: даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!..» (219).

О княжигѣ Мери и говорить нечего: онъ ее не любитъ, — и это для него совершенно ясно. Возвратясь однажды домой и замѣтивъ, что ему чего-то недостаётъ. Печоринъ записываетъ: «**Я не видалъ ея! Она больна!** Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!» (240). И, дѣйствительно, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы казать правду въ лицо княжигѣ Мери, когда вопросъ былъ поставленъ ребромъ. На всѣ взволнованныя и страстныя рѣчи княжны, — онъ пашелъ лишь одинъ отвѣтъ въ своемъ сердцѣ: «Я вамъ скажу всю правду, не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ. Я васъ не люблю». (247).

Даже при послѣднемъ свиданіи только жалость пробудило въ немъ зрѣлище этой несчастной дѣвушки. «Сердце мое сильно болело. — рассказываетъ онъ самъ, — но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни икалъ въ груди моей хотъ искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны. Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее, — а давно ли! Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вкочилъ, подавъ ей руку и довелъ ее до кресель. Я стоялъ противъ

нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казались искать въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея вѣжныя руки, сложенные на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Балжна,—сказала я,—вы знаете, что я надъ вами смѣялся?.. Вы должны презирать меня...

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ. Я продолжалъ: «Слѣдственно, вы меня любить не можете»...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

«Боже мой!»—произнесла она едва слышно.

Это становилось невыносимо; еще мигута,—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

Итакъ, вы сами видите,—сказала я, сколько могъ, твердымъ гололомъ и съ принужденной усмѣшкою,—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бы вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи; вамъ легко ее разубѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами иззой... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..»

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

«Я васъ ненавижу»...—сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ». (267—268).

Несомѣнно, отношенія Печорина къ Бэлъ болѣе похожи на любовь: но и тутъ былъ лишь обманъ чувствъ, была физическая страсть,—настоящей любви не было. «Когда я увидѣлъ Бэлъ въ своемъ домѣ,—какая она!—Максиму Максимычу,—

когда въ первый разъ, держа ее на колыняхъ, цѣловалъ ея черныя локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангель, посланный мнѣ сострадательной судьбой... И опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и просто-сердечіе одной такъ же надобѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно»... (179).

Извѣстна развязка печальной исторіи Бэлы. Максимъ Максимычъ былъ правъ, сказавъ, что она хорошо сдѣлала что умерла: «Ну, что бы съ ней случилось, если бѣ Григорій Александровичъ ее покинулъ! А это бы случилось рано или поздно».. Картина смерти бѣдной Бэлы до глубины души потрясла добраго штабсъ-капитана: »Да, батюшка,—разсказывалъ онъ послѣ своему случайному спутнику—видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то. Совѣмъ не то!..» (183).

А что же Печоринъ?—«Его лицо,—продолжалъ онъ,—не выражало ничего особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы на его мѣсть умеръ отъ горя.—Наѣонецъ, онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на песокъ. Я, зная, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову—и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха...» (184).

Остается еще Вѣра, та женщина, которую Печоринъ, по собственнымъ словамъ, «любилъ въ старину» (214), и притомъ единственная женщина въ мірѣ, которую онъ не въ силахъ былъ бы обмануть. «И знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ быть, навѣки; оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей—я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное». Такъ размышлялъ онъ послѣ случайной встрѣчи съ Вѣрой въ Пятигоръ кѣ. А тогда они раз-

*Она все же
фигура
и поведетъ*

стались, онъ долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія,—говорить онъ. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужь не молодость ли съ своими олагодворными бурями хочеть вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣднй подарокъ,—на память?.. А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо, хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны: густыя кудри выются, глаза горять, кровь кипить»... (220).

Быль моментъ, когда любовь Печорина къ Вѣрѣ вспыхнула съ особенной силой. Когда всѣ чувства его къ ней напряглись до крайняго предѣла: это когда, послѣ дуэли, онъ получилъ ея прощальное письмо, въ которомъ было все: и упреки, и мольба, и клятвы, и крикъ отчаянiя.. Это едва ли не самое драматическое мѣсто въ запискахъ Печорина. «Я, какъ безумный, вскаочилъ на крыльцо.—разсказываетъ онъ.—прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменной дорогѣ. Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ: въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударила мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразить моего безпокойства, отчаянiя!.. При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно.—И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе

дышать; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ...

Оставалось пять верстъ до Эссентуковъ — казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь. Все было бы спасено. Если бы у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергая за поводъ—напрасно: едва слышный стоиъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовавъ идти пѣшкомъ—ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ. И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ; душа обезсмыслила, разсудокъ замолкъ, и если бы въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулъя...» (264—265).

Однако, была ли и это настоящая любовь — Сама Вѣра своимъ письмомъ разсѣиваетъ на этотъ счетъ всякія сомнѣнія. Но и дневникъ Печорина — показатель не менѣе краснорѣчивый. Послушаемъ его дальнѣйшаго признанія, завершающія описаніе потрясающей ночной сцены. «Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову, и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастьемъ бесполезно и безрассудно. Чего мнѣ еще надобно? — ее видѣть? — зачѣмъ? — не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться. Мнѣ, однаго, пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ. Все къ лучшему! Это новое страданіе, го-

✓
То же самое?

Васъ такъ
мнѣ кажется?

Суровый

вѣря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и погомъ, вѣроятно, если бѣ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глаза моихъ. Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ спомъ Наполеона послѣ Ватерлоо».. (265). Конечно, такъ не любятъ настоящей любовью, и Печоринъ сказалъ о себѣ горькую истину, что его любовь никому не принесла счастья, потому что онъ ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ...

Что же заставляетъ его, въ такомъ случаѣ, искать любви, — то Мери, то Вѣры, то Бѣлы, откуда эта ненасытная потребность «быть любимымъ»? — Одна изъ причинъ намъ извѣстна: его властная натура неудержимо влечетъ его къ подчиненію себѣ чужаго «я», даже къ полному его порабощенію, какъ необходимому условію утвержденія своего собственнаго «я». Но Печоринъ самъ сравниваетъ себя съ томимымъ голодомъ, который видитъ во снѣ роскошныя яства и шипучія вина, а, пробудившись, убѣждается, что то были лишь «воздушные дары воображенія»: мечта исчезаетъ и остается удвоенный голодь и отчаяніе... И вотъ тутъ-то открывается еще другой стимуль его неустаннаго желанія «быть любимымъ», бросающій его отъ одной женщины къ другой.

Этотъ стимуль — **вѣчное безпокойство, постоянное недовольство тѣмъ, что есть**, составляющее вторую основную черту его нравственной природы, влекущее къ нему однихъ и возбуждающее противъ него другихъ.. Собственно, оба отмѣченныя свойства его природы неразрывно связаны. Быть всегда довольнымъ окружающимъ, «пріять» міръ, какъ онъ естъ, согласиться съ волками «выть по волчьи» — можно лишь тому, у кого нѣтъ своего «я»: у кого нѣтъ ничего **своего**, тому такъ легко и просто приспособиться къ **чужому**. Но человѣку съ индивидуальной личностью это-

го сдѣлать нельзя,—даже если бь онъ того хотѣлъ.

Его безпокойная душа, вѣчно куда-то зовущая, вѣчно чего то ищущая,—не позволить ему приобщиться къ стѣрой массѣ безличностей, счастливой въ своемъ невѣдѣніи. Примириться съ окружающимъ, съ міромъ того, что есть,—значить отказаться отъ міра возможностей, т. е. отказаться отъ своего «я», какъ источника этихъ возможностей. Чтобы быть самимъ собой, нужно идти безостановочно все впередъ и впередъ, на всѣхъ путяхъ жизни побѣдно утверждая свое «я»:

Кто назадъ оглянется,

Тотъ во всемъ обманется...

Обращаясь къ Нечорину, мы, дѣйствительно, видимъ, что миръ—не его стихія: ему нужны постоянныя волненія и непрерывная борьба,—только тогда онъ ощущаетъ жизнь. Онъ искренно радуется, узнавъ, что противъ него составляется враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. «Я люблю враговъ, хотя не по христіански,—признается онъ. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ,—вотъ что я называю жизнью» (239—240). У него «вражденная страсть противорѣчить»; по его собственному признанію, вся его жизнь была только цѣль грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разуму: «присутствіе энтузіаста обдастъ меня крещенскимъ холодомъ, и я думаю, частыя сисшенія съ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя» (209).

Неизвѣстно, чего онъ, собственно, хочетъ, но только зрѣлице мирной, спокойной жизни другихъ для него положительно невыносимо. Поминутно онъ вторгается въ чужую жизнь, вноситъ въ нее сумбуръ и хаосъ, нарушая миръ, разрушая согласіе, пуская по вѣтру чужія надежды,

мечты и иллюзии.

Въ Тамани онъ неожиданно-негаданно врывается въ мирную семью контрабандистовъ и въ два—три дня разбрасываетъ ее по свѣту. Покидая это разрушенное имъ гнѣздо, онъ пишетъ: «Что случилось со старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдъ чужихъ, мнѣ, страстующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!» (203).

Заброшенный въ крѣпость, онъ съ такой же стремительностью разрушаетъ всю семью мирного князя: мальчика Азамата подбиваетъ на предательскій поступокъ и даетъ ему возможность украсть Карагеза у Казбича; въ результатѣ—Казбичъ убиваетъ старика—отца Азамата, самъ Азаматъ безслѣдно пропалъ и, какъ предполагать Максимъ Максимычъ, вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; наконецъ, тотъ же Казбичъ, влюбленный въ похищенную Бѣлу, пытается самъ похитить ее изъ крѣпости, но, настигнутый, убиваетъ ее кинжаломъ въ спину, чтобы она не досталась врагамъ...

Попавъ въ Пятигорскъ, онъ и тутъ производитъ цѣлое опустошеніе: онъ разрушаетъ надежды Грушинскаго и, въ концѣ концовъ, убиваетъ его, онъ доводитъ до отчаянія и опасной болѣзни княжну Мери, онъ мучаетъ пустыми подозрѣніями Вѣру и заставляеть мужа ея, узнавшаго страшную правду, поспѣшно увезти ее...

И посмотрите—съ какой страстностью, съ какимъ упоеніемъ вершить этотъ чуждымъ свое разрушительное дѣло!.. Точно гениальный полководецъ на полѣ сраженія, онъ заранее намѣчаетъ себѣ весь планъ дѣйствій и никогда не ошибается въ расчетѣ.

Поставивъ себѣ цѣлью, во что бы то ни стало, привлечь вниманіе княжны Мери, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства. Онъ отбиваетъ у нея знакомыхъ, увеселяя ихъ анекдотами, отъ которыхъ тѣ хохочутъ,

*Видно же
начертано*

какъ сумасшедшіе. «Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ княжну.—разсказываетъ онъ; мало по малу и всѣ ея покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захождения солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня; сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ упавъ на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...—«Ага!—подумаешь. я.—вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!..» Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ: мнѣ уже пересказывали двѣтри эниграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетюшками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употребляю все свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блестящихъ москвичей и другихъ—и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ—и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ. Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скуниться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!.. Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черную лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что

эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужь два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ». (215—216).

Поразительно, какъ тонко плететь свою паутину Печоринъ, опутывая бѣдную княжну Мери. То, будто невзначай, спасаетъ ее отъ грозившаго скандала на балу; то, какъ бы случайно, проговаривается, что Грушницкій—юнкеръ, заранѣе учитывая, какое впечатлѣніе произведетъ это открытіе на разочарованную дѣвушку; то, наконецъ, мучая ее своимъ вызывающимъ равнодушіемъ... Замѣтивъ, во время интимнаго разговора съ Вѣрой въ гостяхъ у Лиговскихъ, что княжнѣ Мери было досадно его молчаніе, когда всѣ просили ее сѣсть, онъ уже намѣчаетъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Одинъ сердитый, блестящій взглядъ—сказалъ ему все: «О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!»—говоритъ онъ себѣ (228). А когда княжна Мери перестала нѣть и вокругъ не раздался ропотъ похвалы, то онъ подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то насчетъ ея голоса «довольно небрежно». «Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу,—разсказываетъ онъ,—и при сѣла очень насмѣшливо.

—«Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно,—сказала она,—что вы меня не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?..»

«Напротивъ... послѣ обѣда особенно».

«Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи».

«Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастрономъ; у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово, слѣдовательно,—я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же, она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно, или сли-

шкомъ веело. То я другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ, грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична»...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сентиментальный разговоръ: кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображающагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ... Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое смолубіе,—вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ. Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ приторною досадою, наконецъ, удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже...»

Не замѣчательно ли здѣсь все: и этотъ подчеркнуто-равнодушный видъ, и этотъ намѣренно-циничный тонъ разговора, и все это строго-обдуманное поведеніе Печорина? И не поразительна ли эта маленькая, по истинѣ классическая, сценка, завершающая описаніе этого вечера у Ляговскихъ?!—«Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ,—разсказываетъ онъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и, послѣ долгаго молчанія, сказалъ:

«Ну, что?»

«Ты глушь»,—хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечомъ».
(229—230).

Дальнѣйшее разыгралось какъ по нотамъ. Всѣ послѣдующіе дни Печоринъ нѣразу не отступалъ отъ своей «системы». «Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ,—записываетъ онъ; я рассказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ

7
 моей жизни, и она начинает видѣть во мнѣ челоуѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами.—это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сентиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

«У васъ очень мало самолюбія!—сказала она мнѣ вчера.—Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?»

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

«И моимъ» —прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива, нынче поутру у колоды еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой; но только что завидѣла меня, она стала хохотать (очень не кстати), показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней: она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить». (230).

10
 Затѣмъ—послѣдовала известная сцена по дорогѣ на Проваль съ знаменитымъ признаніемъ Печорина. Это послѣднее обычно серьезно цитируютъ для характеристики Печорина и обстоятельствъ, которые создали «отрицательныя» свойства его личности. Забываютъ при этомъ, что признаніе Печорина—не болѣе, какъ искусный маневръ, рассчитанный на известное впечатлѣніе, и, значить, лишь съ этой стороны оно можетъ служить матеріаломъ для его характеристики. Послушаемъ самого актера, такъ мастерски разыгравша-

го роль несчастнаго, никѣмъ не понятаго и не любимаго, озлобленнаго человѣка:

«Да — сказать онъ, **принявъ глубоко-тронутый видъ**, — такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скромень — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ, — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь мѣръ, — меня никто не понималъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду, — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣзаетъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственныиъ калѣжкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ; — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины. Но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огор-

читать нисколько». (233—234).

Стрѣла, пущенная опытной рукой, попала прямо въ цѣль. «Въ эту минуту — заканчиваетъ свой разсказъ Печоринъ — я встрѣтилъ ея глаза, — въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали: ей было жаль меня! Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, выпустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала, — а это великій признакъ! Мы пришли къ Провалу; дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

«Любили ли вы?» — спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть? кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они готовятъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня, а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

«Не правда ли, я была очень любезна сегодня?» — сказала мнѣ княжна, съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались. Она недовольна собой; она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество! *Завтра* она захочетъ вознаградить меня. Я все это

ужь знаю наизусть—вотъ что скучно» (234—235).

Но всего этого было мало Печорину. Ему нуженъ былъ послѣдній ударъ, который завершилъ бы дѣло. И онъ снова принимаетъ таинственный видъ непонятаго страдальца: «Простите меня, княжна! — говорить онъ ей.—Я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится, я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете, и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте!..» Теперь онъ могъ торжествовать побѣду: уходя, онъ слышалъ, какъ она плакала. (241).

И вотъ, когда все уже было подготовлено, наступилъ, наконецъ, моментъ послѣдняго его торжества. Тутъ ужь началось съ его стороны не простое завлеченіе неспытной дѣвушки въ свои сѣти: ибѣтъ, то уже было изощренное мучительство ради мучительства, приведшее ее къ душевной катастрофѣ, а его—къ грубой, почти цинической откровенности, какъ единственно-возможному выходу изъ создавшагося положенія.

Сцена; разыгранная Печоринымъ при переѣздѣ черезъ Подкумокъ съ княжной Мери—это, если можно такъ выразиться, —верхъ стратегическаго искусства. «Мы были уже на серединѣ, въ самой быстротѣ,—разсказываетъ онъ,—когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулася. «Миѣ дурно»,—проговорила она слабымъ голосомъ.. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талию.

«Смотрите наверхъ!—шепнулъ я ей,—это ничего, только не бойтесь; я съ вами».

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея ибѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки; отъ нея вѣяло пламенемъ.

«Что вы со мною дѣлаете?.. Боже мой!..»

Я не обращалъ вниманія на ея трепеть и смущеніе, и губы мои коснулись ея ибѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади; никто не

видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то вѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее беспокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова—изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ затруднительнаго положенія.

«Или вы меня презираете, или очень любите!—сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы.—Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной. возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣрчивости,—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!..»—Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улынулся; къ счастью, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

«Вы молчите?—продолжала она,—вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...»

Я молчалъ.

«Хотите ли этого?» продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное.

«Зачѣмъ?» —отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ: это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное: на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку, а у дочки presto нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта

мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слышу добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!» (244---245).

Вынужденный, наконецъ, открыть всю правду, и перебирая потомъ въ мысляхъ все происшедшее, Печоринъ пытается, наединѣ съ собой, разобраться въ томъ, почему онъ не поступилъ, какъ всѣ другіе. «Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и другихъ?..—пишетъ онъ. Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы на моемъ мѣствѣ предложилъ княжѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово **жениться** имѣеть какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту.. но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли?.. Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ **смерть отъ злой жены**: это меня тогда глубоко поразило; въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ, что-то мнѣ говорить, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ, буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже». (248).

Суждена была или итъ «смерть отъ злой жены» Печорину, несомнѣнно одно, что женитьба угрожала бы смертию его свободѣ—физической и духовной, безпокойнымъ искаміямъ его бурной природы, свободнымъ проявленіемъ его властнаго «я». Она потребовала бы отъ него извѣст-

наго примиренія съ тѣмъ, что есть, пригнула бы его къ землѣ, къ пошлой дѣйствительности обыденнаго существованія. Это была бы подлинная «смерть отъ злой жены», ибо отказъ отъ себя, отъ своей «я» и есть истинная смерть духа. Такого исхода болѣе всего страшился Печоринъ— и потому свободы своей продать не хотѣлъ.

Гимномъ свободѣ, какъ источнику жизненныхъ бурь и битвъ, онъ и заканчиваетъ печальную лѣтопись о княжнѣ Мери: «И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжила съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало по малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани»... (268).

Невольно встаетъ въ памяти другой лермонтовскій образъ—образъ одинокаго бѣлаго паруса, безпокойно блуждающаго по морю въ поискахъ за невѣдомымъ:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,—
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой...

III.

Счастливы ли Печоринъ?—Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ послѣдней причинѣ обаятельности лермонтовскаго героя. Ее также открыла намъ Вѣра въ своемъ письмѣ: *«Ты былъ несчастливъ, — и я пожертвовала собою... Никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ»*... Своей чуткой женской душой она сразу же поняла, что подъ этой маской внѣшняго безразличія и холодности кроется неизлѣчимая рана.

Однажды, въ минуту откровенности, Печоринъ самъ раскрылъ свою душу. Когда добрый штабъ-капитанъ замѣтилъ, какъ холодно стало его обращеніе съ Бѣлой, какъ рѣдко онъ сталъ ласкать ее, когда онъ увидѣлъ, что Бѣла замѣтно начинаетъ сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли, — онъ сталъ упрекать Печорина. — *«Послушайте, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ тотъ, — у меня несчастный характеръ; воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только то, что, если я причиною несчастья другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добить-*

ся ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно. Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями,—напрасно: черезъ мѣсяць я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ,—и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду...

Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь,—только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію,—авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! Но крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ... (178—179).

Изъ этого видно, что причина тоски Печорина—не личнаго, не частнаго характера. Нѣтъ, не разочарованіе въ любви или въ дружбѣ, даже не разочарованіе вообще въ людяхъ—источникъ его недовольства жизнью и самимъ собой, а напротивъ, это врожденное недовольство всѣмъ въ мірѣ, это вѣчное алканіе души—причина разочарованія и тоски, скуки и пресыщенія жизнью. Недовольство тѣмъ, что есть, безпокойное исканіе все новаго и лучшаго неизбежно приводитъ къ душевному краху, къ нравственному самоубійству.

И, дѣйствительно, Печоринъ, въ сущности, ни во что не вѣритъ, ни на что не надѣется, никого не любитъ,—онъ только пишетъ съ утомительнымъ безпокойствомъ и печальнымъ сознаниемъ, что ничего не найдетъ. Что жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно,—пишетъ онъ

наканунѣ дуэли. Я,—какъ человѣкъ, зѣ-
 вающій на балѣ, который не ѣдетъ спать
 только потому, что еще нѣтъ его кареты.
 Но карета готова... прощайте!.. И, мо-
 жетъ быть, и завтра умру!.. и не оста-
 нетъ я на землѣ ни одного существа, ко-
 торое бы поняло меня совершенно. Одни
 почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ
 я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ
 былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ.
 И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого
 стоитъ ли труда жить? а все живешь—
 изъ любопытства: ожидаешь чего-то но-
 ваго... Смѣшно и досадно». (254).

Для пониманія этой стороны личности
 Печорина, чрезвычайно характерны его
 отношенія съ Вернеромъ. Понятно, что
 этотъ скептикъ и матеріалистъ, утверж-
 давшій, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе
 врагу, чѣмъ другу, ибо это значило бы
 продавать свою благотворительность, то-
 гда какъ ненависть только усилится со-
 размѣрно великодушію противника (210),
 —понятно, что онъ обратилъ на себя вни-
 маніе Печорина. «Мы другъ друга скоро
 поняли,—разсказываетъ послѣдній,—и
 сдѣлались пріятелями, потому что я къ
дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей
 всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни
 одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не призна-
 ется; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать
 въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный,
 потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обма-
 нывать; да притомъ у меня есть лакеи и
 деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятеля-
 ми: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди
 многочисленнаго и шумнаго круга мо-
 лодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ
 вечера философско-метафизическое направ-
 леніе; толковали объ убѣжденіяхъ; каж-
 дый былъ убѣжденъ въ разныхъ разно-
 стяхъ.

«Что до меня касается, то я убѣжденъ
 только въ одномъ»...—сказалъ докторъ.

«Въ чемъ это?»—спросилъ я, желая
 узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ
 поръ молчалъ.

«Въ томъ,—отвѣчалъ онъ,—что рано

Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

Еще некто
 ермогенъ:

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

и Печоринъ
 Вернеръ
 стр 42

или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.»

«Я богаче васъ!—сказаль я,—у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе—именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣль несчастіе родиться».

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а, право, изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказаль. Съ этой минуты мы отличились другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока не замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ... Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ къ кресла, поставилъ трость въ уголь, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня беспокоять мухи,—и мы оба замолчали.

«Замѣтите, любезный докторъ,—сказаль я,—что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранее, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя...» (211—212).

Такая самохарактеристика не далека отъ истины. И Печоринъ былъ только искрененъ, когда, передъ дуэлью, на вопросъ Вернера, неужели у него нѣтъ друзей, которымъ онъ хотѣлъ бы послать свое послѣднее прощаніе, или женщины, которой онъ хотѣлъ бы оставить что-нибудь на память,—лишь покачалъ отрицательно го-

Сасмуръ
Анатоля

ловой. «Хотите ли, докторъ,—отвѣчалъ онъ ему,—чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умирають, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напوماженныхъ или ненапوماженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлають и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой сѣчь Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобы не возбудить въ немъ ревности къ усопшему,—Богъ съ ними. Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслить и судить его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй...» (256—257).

И, въ самомъ дѣлѣ, кого могъ бы любить этотъ человѣкъ, не вѣрящій ни въ какое благородство и трезво, слишкомъ трезво смотрящій на вещи?!.. Какую цѣну напимѣрь, могла бы имѣть въ его глазахъ любовь женщины,—женщины, которую въ тайникахъ души онъ презиралъ, которой никогда не вѣрилъ и на которую смотрѣлъ только какъ на предметъ наслажденія?!..

• Чего женщина не сдѣлаеть, чтобы огорчить соперницу?—говорить онъ въ своихъ запискахъ. Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь, надо ихъ довести до того, чтобы онѣ убѣдили себя сами; порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобы выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напимѣрь, способъ обыкновен-

Резюме

ный: этотъ человѣкъ любить меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить. Способъ женскій: Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любить, слѣдовательно... Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ уже ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется. Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ? — «Клевета!» — закричитъ она съ негодованіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ, и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онъ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Пьерона полубогомъ... Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, — мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любить, — мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честностію, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и о крѣпленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, что бы всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости. Кстати, Вернеръ напередъ сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ рассказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступя, — говорилъ онъ, — на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а итти прямо; мало по малу чудовища исчезаютъ, и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, сре-

ди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. Зато бѣда, если на первыхъ порахъ сердце дрогнетъ, и обернешься назадъ!..» (243—244)

Легко догадаться, въ связи съ этимъ, что подъ видомъ шутки, желая подтрунить надъ Грушницкимъ, и какъ будто говоря только о княжнѣ Мери, онъ, однако же, высказалъ свои затаенныя мысли о женщинѣ вообще: «Если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно, ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ—никогда не удовлетворяетъ ее вполне: ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и, чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить,—а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не приобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за уроды, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ...» (217).

Точно также фраза, сказанная, казалось, лишь для того, чтобы поддѣлаться подъ тонъ Грушницкаго—«*Je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule*» (208),—въ связи со всѣмъ остальнымъ, приобрѣтаетъ иной интересъ.. Вѣдь, мы знаемъ, что таково было дѣйствительное отношеніе Печорина къ женщинамъ, такъ онъ о нихъ думалъ и, соответственно этому, именно такъ онъ и велъ себя—съ Вѣрой, княжной Мери, Балой, какъ то рекомендовалъ Грушницкому...

Такое отношеніе къ людямъ—къ женщинамъ въ частности и къ людямъ вообще,—рисующее намъ нравственный юбликъ Печорина, любопытнымъ образомъ дополняется тѣмъ внѣшнимъ его портретомъ, который въ нѣсколькихъ штрихахъ на-

брасываетъ намъ Лермонтовъ. Особенно, говорить онъ, поражали его глаза. «Вопервыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся.—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?.. Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронизательный и тяжелый оставлялъ по себѣ неприятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно-спокоенъ»... (189).

Самъ Печоринъ прекрасно понимаетъ, гдѣ источникъ его тоски и недовольства собой и міромъ. Онъ съ завистью думаетъ о людяхъ далекаго прошлаго, которые сильны были своею вѣрой, умѣли жить и дѣйствовать. Вотъ что записалъ онъ похъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей Вулича о предопредѣленіи... «Я возвращался домой, пустыми переулками станицы; мѣсяць полный и красивый, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что жъ? эти лампы, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хо-

Холодъ душъ
въ восторгъ

Въ разсказѣ
Митрофанъ
въ разсказѣ
многого мѣста
вспомнилъ

Душевныя формы
мнѣнію, тѣмъ —
мнѣнію.

тя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ,—мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага чело-вѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ».. (272—273).

Грустныя строки!.. Изъ нихъ встаетъ во весь ростъ печальный обликъ того, кому было дано такъ много, и кто заплатилъ за это многое тяжелой цѣной. Блаженни ниціе духомъ!.. Развѣ чело-вѣку нужно такъ много, чтобы быть счастливымъ и довольнымъ?—Нужно быть **какъ всѣ**—милліоны, милліарды людей, похожихъ другъ на друга въ своемъ безличіи. Нужно ближе стоять къ землѣ, изъ которой мы вышли и въ которую возвратимся. Нужно

ограничить свои потребности тѣмъ. **что есть**, не стремясь къ большему и лучшему.

Горе тому, кто почувствуетъ себя **инымъ, чѣмъ всѣ другіе**, кто захочетъ быть **самимъ собой** и свое индивидуальное «я» противопоставить безличной массѣ, кто отринетъ слѣдую вѣру наивнаго большинства и въ безумной гордости провозгласитъ **свои истины!**.. Въ тотъ день, когда это случится, глубокое недовольство существующимъ впусти въ его душу свои острые когти, которые будутъ вонзаться все глубже и глубже...

Тогда неугомонное безпокойство—безпричинное и безрадостное—наполнить эту душу до дна, и она будетъ обречена вѣчно искать, не находя, и вѣчно алкать, не насыщаясь... Такъ придетъ она къ грустному разочарованію, къ безысходному отчаянію: поднявъ слишкомъ тяжелый грузъ, она надорвется и, надорванная, застонетъ въ смертельной тоскѣ... Блаженны только нищіе духомъ!...

Библейскій рассказъ о райскомъ невѣдѣніи перваго человѣка, нарушенномъ мудростью змѣя, имѣетъ глубокій смыслъ. Объ этомъ говорятъ и древніе мифы. Почему долженъ былъ погибнуть мудрый Эдипъ, разгадавшій темную для всѣхъ загадку сфинкса? Зачѣмъ было погибнуть и счастливцу Поликрату, задумавшему искидывать волю небожителей? За что былъ прикованъ къ Кавказской скалѣ великодушный Прометей и на растерзаніе коршуна отдано его благородное сердце?...—

Величіе есть крестъ—вотъ заповѣдь древней мудрости: кто не захочетъ быть **какъ всѣ**, долженъ искупить свое возвышеніе; кто подыметъ на свои человѣчскія плечи непосильную тяжесть боговъ, тотъ надорвется. Таковъ законъ высшей справедливости, правящей міромъ,—и кто не признаетъ въ ней глубокой мудрости?!..

Надорванная душа. Печорина—родная сестра души Прометея и Эдина, тяжкимъ страданіемъ искупившихъ свое возвышеніе падъ людьми. Пусть счастливы нищіе ду-

хомъ въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, но намъ дороже ищущіе и страдающіе, имѣвшіе смѣлость быть самими собой. Вотъ почему мы любимъ Печорина, какъ любятъ его Максимъ Максимычъ, Бѣла, Вѣра, княжна Мери,—любятъ, не взирая на его недостатки, а, можетъ быть, и за нихъ... Его не любятъ только Грушницкій, потому что нѣтъ ничего ненавистнѣе для стѣрой безличности, какъ смѣлость быть собой...

И, если Печоринъ не умеръ и не умретъ, если печальный образъ его останется навсегда безсмертнымъ въ потомствѣ,—то это именно потому, что онъ отвѣчаетъ вѣчнымъ запросамъ человѣческаго духа. Печоринъ—это наша тоска по Свободѣ и Недостижимому, наше вѣчное безпокойство и исканіе Невѣдомаго, наша неудовлетворенность тѣмъ, что есть,—стѣрой будничностью земнаго существованія... Душа его—это та грустная душа, которая въ гадзвѣрныхъ краяхъ слышала дивныя пѣсни и, брошенная оттуда на землю, тоскуетъ по нимъ, въ смутныхъ воспоминаніяхъ:

И долго на свѣтъ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,—
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

А. ЕВЛАХОВЪ.